

Ли девяносто пять лет. Она сидит в душевой кабинке на специальном стульчике и ругательски ругает свою парикмахершу: та никак не может понять, что укладка должна скрывать отсутствие волос, а не подчеркивать его. Пресловутая укладка тщательно упакована в голубую прозрачную шапочку для душа, целлофановые края топорщатся вокруг старческого лица и возмущенно трепещут.

Маня привычно гладит махровой салфеткой тощие плечи Ли, намыливает и смывает, намыливает и смывает.

— Изи! Изи!¹ — сердится старуха.

— Поднимите левую ручку, Лея, — говорит Маня профессионально-ласково.

---

¹ Легче (искаж. англ.).

- Май нэйм из Ли!² — синеватые губы поджаты в ниточку.
- Хорошо, Ли, — соглашается Маня и отжимает салфетку.
- Спик инглиш!³
- Окей, окей...

Ли живет в этом «стариковском доме», как русские иммигранты называют дома престарелых, уже десять лет, с тех пор, как умер ее муж. Единственная дочь давно выросла, успела состариться и не горит желанием общаться с матерью. Подруг у Ли нет. Русские старухи не нравятся Ли — они все ей завидуют. Потому что ее муж был стопроцентный американец. А их мужья — непонятно кто.

По утрам в будни Ли ждет, когда придет черная, как сапог, Глэдис. Глэдис помогает ей одеться, строго по порядку: снять ночнушку, сложить, надеть лифчик, застегнуть, надеть блузку, надеть брюки, надеть носки, и, наконец, туфли. Глэдис никогда не путает порядок одевания. Потом наступает очередь прически: Глэдис вынимает из налакированной куафюры специальные металлические зажимы, помогающие сохранить укладку. Зажимы путаются, черная женщина дергает жиденькие прядки. Это больно, но Ли терпит.

По выходным вместо Глэдис приходит Маня. Маня дура, она ничего не умеет сделать правильно. Однажды, в самом начале, Ли, с чего-то расчувствовавшись, сказала ей, что родом из Киева.

— Ой, с Киева!.. — обрадовалась Маня, и Ли сразу же пожалела, что проговорилась: нахалка тут же перешла на русский. — Я тоже с Киева. А какая у вас была фамилия? Может, мы даже как-нибудь знакомы через вторые-третьи руки?

— Не понимаю, — надменно бросила Ли. — Говори по-английски.

— Вот воз ё мазерс ласт нэйм?⁴ — Маня покладистая — скажешь ей «спик инглиш», она переходит на инглиш. Плохой,

---

² Меня зовут Ли (искаж. англ.).

³ Говори по-английски (искаж. англ.).

⁴ Как фамилия вашей матери? (искаж. англ.).

конечно. Стыдно слушать. И ждет ответа, хлопает своими коричневыми глазами-пуговицами.

— Не помню, — отрезала Ли и отвернулась, давая понять, что больше не скажет ни слова.

Маня помогает Ли выйти из душа, усаживает на застеленное полотенцем сиденье унитаза, начинает вытирать сморщенное тело. Ли прикрывает глаза, а сама наблюдает за дурой из-под полуопущенных век. Под мышками она протерла плохо. Полотенце бросила в корзину для грязного белья, а должна была сначала высушить на трубе. Полотенце для ног жесткое, между пальцев осталась влага.

«Ступид бич»⁵, — думает Ли, а вслух говорит:

— Мои ноги остались мокрыми.

Она специально говорит это после того, как полотенце полетело в корзину. Глэдис никогда не делает таких ошибок, Глэдис стопроцентная американка. Такая же, как сама Ли.

Маня молча идет в комнату за другим полотенцем.

— Мне холодно! — кричит Ли ей вслед. — Ты что, решила заставить меня сидеть тут раздетой?

Маня возвращается с новым полотенцем и, присев на корточках, начинает вытирать ноги старухи заново.

— Ты оглохла? — Ли повышает голос. — Мне холодно! Приноси еще одно полотенце для тела.

Маня идет в комнату. Ли знает, что больше полотенец нет — кончились. Глэдис стирает по понедельникам, а сегодня уже воскресенье.

— Ты оставила лужу на полу! — кричит она вслед Мане. — Ты хочешь, чтобы у меня в ванной завелась плесень?

Маня возвращается не сразу, и старуху немедленно охватывает паника.

— Маня! — ее голос истерически дрожит. — Где ты?! Почему ты не идешь?..

«Чтоб ты сдохла», — думает Маня, а вслух отвечает по-английски:

---

⁵Тупая сучка (искаж. англ.).

— Я ищу швабру.

— Швабру надо класть на одно и то же место, — сварливо кричит Ли, но в ее крике явственно слышится облегчение. — Ты всегда все разбрасываешь!

Маня приходит в ванную и молча вытирает лужу. Могла бы и поговорить с пожилым человеком. Глэдис, когда работает, тоже... Ли вздыхает. Черная женщина во время работы всегда мурлычет один и тот же спиричуэлс. Он был популярен в пятидесятые, когда Ли было столько лет, сколько сейчас Мане. «На реках Вавилонских». Откуда молодая женщина знает этот мотив, непонятно. Впрочем, все черные люди помнят и любят спиричуэлсы, даже если этим песнопениям сто лет в обед. Однажды Ли попыталась капризничать:

— Глэдис, почему ты всегда поешь одно и то же?

— Oh, shut up⁶, — невозмутимо ответила Глэдис. — Let me do my job.

Она всегда говорит Ли «шат ап». Если бы Маня сказала ей «шат ап», она бы мигом вылетела с работы. Но выгонять Маню нельзя: никто больше не хочет работать у Ли по выходным. На выходные дают девушек из русского агентства, а те, услышав про Ли, мигом отказываются. У Ли дурная слава. Ей девяносто пять лет, и у нее плохой характер. В этом стариковском доме все жильцы знают, что Ли никогда ни с кем не разговаривает и даже не здоровается. Однажды Маня спросила во время прогулки, почему Ли не здоровается с соседкой.

— Я плохо вижу, — отрезала Ли. — Я не различаю их лиц. Пойдем-ка вон туда, там в витрине новая блузка — незабудки на сером фоне. Очень элегантно. Я хочу ее купить.

У Ли есть деньги. Ей оставил муж. Дочь, конечно, думала наложить на них лапу, но Ли не позволила. Гарри хотел, чтобы его жена ни в чем не нуждалась. Он был очень заботливый.

Фотография Гарри стоит на комодке. Иногда Ли, опираясь на ходунки, подходит к комоду и долго, пока не устанут спи-

---

⁶О, заткнись. Позволь мне делать мою работу (англ.).

на и ноги, смотрит на мужа. Глэдис всегда вытирает пыль с комода и нескольких рамок для фото, но никогда не спрашивает, кто изображен на снимках. Наверное, это потому, что и так ясно: муж, сама Ли в молодости, потом в среднем возрасте, в пожилые годы... Фотографий дочери там нет.

На всех фото у Ли одна и та же прическа. И почти один и тот же наряд. Ли гордится своим чувством стиля. Если бы не прекрасный вкус и умение себя вести, ей не удалось бы в сорок лет выйти замуж за настоящего американца. Гарри никогда не напоминал ей, что она «русская». Гарри был очень тактичен.

«Ай эм американ»⁷, — говорит себе Ли снова и снова, и постепенно успокаивается.

Маня молча включает пылесос. Ли сидит в кресле перед выключенным телевизором и слушает, как пылесос ровно гудит в спальне.

«Лея, — когда-то говорила ей мама, — фейгеле⁸, ты не должна быть такой гордой». Мама ничего не понимала в жизни. Она думала, что хороший характер помогает прожить много лет. И умерла в пятьдесят.

Старуха видит в темном стекле телевизора свое отражение: безупречная укладка, безупречная блузка. Вокруг безупречный порядок. Все на своих местах. Диван и кресла покрыты чехлами. Ли не разрешает Мане садиться на мягкую мебель: обивка может испортиться. Эта Маня такая неряха. И, может быть, она даже воровка. Ли вздрагивает и ищет глазами шкатулку для украшений. Шкатулка для украшений спокойно стоит на комод. Старуха с трудом встает, тяжело опирается на ходунки и бредет к комоду. Нет, все цело. Цепочки — одна длинная, другая немного короче. Браслет, который Гарри подарил ей на серебряную свадьбу. Кольца. Мамины серьги.

«Фейгеле, — слышит Ли мамин голос. — Нельзя быть такой недоброй». Ли захлопывает шкатулку и прислушивается. Сквозь гудение пылесоса из спальни доносится пение.

---

⁷Я американка (искаж. англ.).

⁸Птичка (идиш).

— By the rivers of Babylon,

Where we sat down,

There we wept,

When we remembered Zion...⁹

— Что ты там поешь?! — кричит Ли в ужасе.

Маня выключает пылесос и появляется на пороге.

— Я пою по-английски, — говорит она смиренно. — Вы же не любите, когда по-русски...

— Что ты пела? — Ли вся дрожит.

— Это «Бони М», — объясняет Маня с некоторым удивлением. — Была такая модная группа в восьмидесятые годы. Песня называется «Реки Вавилона». «На реках Вавилона мы сидели и плакали, вспоминая Сион».

— Отвратительная песня, — говорит Ли с чувством. — Чтобы я больше не слышала ее в моем доме!

«Чтоб ты сдохла», — думает Маня, но вслух ничего не говорит.

— Мне пора переодеваться на ночь, — объявляет старуха чуть погодя. — Ты закончила пылесосить?

— Закончила, — кратко отвечает Маня. — Давайте, я помогу вам раздеться.

Ли усаживается поудобнее. Сейчас эта дура опять наделает ошибок. Ну, вот, пожалуйста: берется за блузку! Сколько раз можно повторять: первыми нужно снять туфли. Потом носки. Потом брюки. Блузка идет уже потом, за ней лифчик.

— Ступид!¹⁰ — говорит Ли в сердцах. Маня молчит. Молча она надевает на Ли ночную рубашку и уходит в ванную, стирать старухин лифчик, носки и трусы.

— Маня! — кричит та через пять минут, соскучившись. — Ты помнишь, куда нужно повесить лифчик, или опять все перепутала?..

Наглая девка не отвечает. Потом скажет, что за шумом воды не слышала, как Ли ее зовет. А если бы у Ли в это время случился сердечный приступ?..

---

⁹ На реках Вавилона мы сидели и плакали, вспоминая Сион (англ.).

¹⁰ Дура (искаж. англ.).

«Ай-яй-яй, фейгеле», — укоризненно улыбается мама.

Старуха сердито всхлипывает.

— Маня!!!

Та появляется из ванной, вытирая мокрые руки.

— Ты опять стирала мое белье в перчатках? — тонкие, почти невидимые брови Ли сбегаются к переносице. — Сколько раз повторять: стирка в перчатках неполноценна!

— Я уже все закончила, — невежливо перебивает Маня и добавляет по-русски: — Давайте, я уложу вас в постель и пойду.

— Спик англиш!

Маня повторяет просьбу по-английски. Ну и произношение. Потом до Ли доходит смысл сказанного.

— Ты хочешь уйти раньше? — говорит она, не веря своим ушам. — Но ты должна быть со мной еще сорок минут!

— Я все закончила, — Маня тупо смотрит в пол, и Ли дрогнувшим голосом произносит:

— Ты не можешь уйти! Ты должна обо мне заботиться, это твоя работа.

Старушечье лицо плаксиво кривится.

— Я хочу пить.

«Чтоб ты сдохла», — думает Маня, а вслух говорит по-английски:

— Я принесу вам воды, уложу и пойду домой, хорошо?

— Нет! Включи телевизор.

За окном быстро темнеет. Старуха начинает всхлипывать. Маня включает телевизор и обреченно садится на краешек стула.

— Громче! — требует Ли, нервно дергая подол ночной рубахи. Ее жидкие волосенки стоят дыбом. — Сделай громче звук, я ничего не слышу! О чем там говорят?

Маня, сбиваясь и путая английские слова, начинает пересказывать новости. Телевизор орет, и ей приходится перекрикивать диктора. Ли удовлетворенно улыбается.

— Ты говоришь глупости. Выключи это, я сейчас оглохну. Уложи меня в постель, я устала от тебя. Уложи и можешь идти.

Эта дура суетливо нажимает кнопки, потом почти бегом направляется в спальню и возится там, разбирая постель. Ста-

руха смотрит в темный экран телевизора и видит в отражении маленькую девочку в длинной ночной рубашке. Девочке страшно и одиноко.

— Маня, — зовет Ли дрогнувшим голосом. — Ты где?

Та молча возникает в дверях спальни.

— Моя постель готова? — осведомляется старуха сварливо.

Маня кивает:

— Да.

— Спик инглиш.

— Йес, мэм.

Наконец она уходит. Ли остается одна. У изголовья кровати слабым светом теплится ночник. стакан с водой на тумбочке. Свадебная фотография в рамке. На рамке осталось немного пыли: эта неряха Маня никогда не научится убирать как следует. Ли забивается под одеяло и делает попытку уснуть. В девяносто пять лет это очень трудно. Гораздо труднее, чем в сорок или даже в пятьдесят. «By the rivers of Babylon, — крутится в голове, — where we sat down, there we wept, when we remembered Zion...»

Проклятая песня не дает успокоиться бедному старому сердцу.

— Мама, — зовет Ли жалобным детским голосом. — Мама, я хочу умереть!..

Утром Глэдис сильно дерет волосы, вынимая металлические зажимы, и мурлычет себе под нос.

— Я не люблю эту песню, — говорит Ли, стараясь не вскрикнуть от боли. Старческое лицо страдальчески морщится.

— Oh, shut up, — отвечает Глэдис равнодушно.